

М.Д. ПУТРОВА

МОДАЛЬНЫЕ ДИМИНУТИВЫ КАК ЭКСПЛИКАТОРЫ ГЕНДЕРНОЙ ОТНЕСЕННОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Рассматриваются гендерные особенности употребления модальных диминутивов, до настоящего времени не включенные в поле рефлексии о сущности гендерных стратификаций в языке. Подчеркивается существенная значимость данных единиц в экспликации гендера, несмотря на их минимальную встречаемость.

The article considers the engendered facet of modal diminutives which haven't been the object of reflection about Gender stratifications in language yet. It claims that modal diminutives have low frequency in occurrence but they are quite explicit about Gender.

Значимость диминутивных наименований в конструировании гендера неоднократно отмечалась исследователями, проводившими анализ употребления языка представителями разных гендерных групп во многих культурах (см. Кирилина 2005, 18; Schulz 1975, 49). К сожалению, сосредоточившись на поисках экстралингвистических обоснований предлагаемых ими толкований гендерных расслоений в языке, исследователи весьма фрагментарно описывают гендерную значимость самого явления диминутивности. Последняя в гендерных исследованиях представлена главным образом только в виде наиболее частотных разновидностей номинации – существительными, прилагательными и наречиями в случае рассмотрения славянских языков. Редкие диминутивы оказались не включенными в поле рефлексии о сущности гендерных стратификаций и роли именно языковых средств в конструировании гендерной идентичности коммуникантов.

Настоящая статья имеет своей целью описание особенностей употребления модальных уменьшительных форм, относящихся, по нашим данным, к группе наименее частотных и не полу-

чивших своего описания не только в гендерных, но и в каких бы то ни было других исследованиях языка. Наш анализ является частью более широкого изучения гендерных особенностей вербального поведения в четырех культурах – белорусской, русской, английской и американской. Одной из составляющих данного изучения было рассмотрение употребления уменьшительных номинаций и разговорных форм модальных единиц сквозь призму гендера. Языковые особенности манифестации последнего оказались в такой степени культурно специфичными, что некоторые гендерные дифференциации прослеживаются только в пределах всего одной или, чаще, нескольких из сопоставляемых культур. Таковыми как раз и оказались уменьшительные формы модальных слов, отсутствующие в говорении представителей американской и английской культур ввиду значительно меньшего разнообразия вербальных диминутивных парадигм в британском и американском вариантах английского языка.

Материалом для сопоставительного анализа употребления модальных диминутивов послужили записи подлинного говорения на русском и

белорусском языке, составившие в совокупности 80 000 слов текста. Анализ подвергался также соизмеримый русскому и белорусскому массив текста на тряснке, являющейся основным средством общения у значительной части коммуникантов в Полоцком регионе, где и проводилась запись на белорусском языке.

Оказалось, что встречаемость модальных диминутивов минимальна как в говорении русских, так и белорусов. В нашем материале они реализуются в непринужденном, неформальном общении.

1. *Ён, відацькі, сказаць нешта хоча.*

2. *А мусіцькі так, праўда.*

3. *А каток гэты лезе, так ужо вой! Хочашкі-хоча мяса! Прыйшлося пачаставаць! Лапуцьку.*

4. *Хочашкі лізнуць? Халоднае!*

5. *Устанеш ці будзешкі спаць?*

6. *А можакі і дапаможа. Ты паспрабуй. Праглыні.*

7. *Трэбкі табе было самому глянуць. Каб ужо знаць (трас.).*

8. *Надкі мне-такі яшчо раз пасматрэць (трас.).*

9. *Не будзеш есць? Так ужо не будзешкі – не? (трас.).*

10. *Ой! Если б ты тока знала, как я не хочу. Ну прям не хочушеньки-не хочу.*

11. *Угу. Только... мм все равно надушки что-то делать. Вот сама посмотри.*

12. *Да не могушечки я! Больше совсем-то не могу.*

13. *Надоньки шапочку одеть. И завязать.*

14. *И так меня прижало-то! Все! Мамочки мои! Иии! Не могу! Ой, ой, ой! Не могушеньки-не могу! Ой, мама милая! И не рассказать!*

Представленные примеры практически исчерпывают весь список модальных диминутивов в нашем материале, отобранных, как и при анализе других модальных единиц, в том числе в американском и английском массивах записей, на основе критериев модальности, использованных в известном исследовании Д. Байбера (см. Biber 1999). В соответствии с данными критериями к классу модальных относились все глаголы, имеющие (со)значения воли, желания, возможности, способности и т. д., в том числе и вспомогательные глаголы будущего времени: *shall, will* в американском и британском английском (Там же, 485) и соответственно *быць* и *быть* в белорусском и русском во всех зарегистрированных формах их реализации. Так, употребляя форму *будзешкі* (пример 5), как явствует из контекста: *Валек! Га? А то мы ўжо пойдзем*, говорящий фактически спрашивает о желании и воле адресата встать и идти (имеется в виду за грибами) сейчас, в момент разговора. Минимальная употребительность модальных диминутивов в нашем материале не оказалась препятствием для манифестации гендерных различий. Почти все реализующие их высказывания соотносятся с гово-

рением женщин. Единственным исключением является реплика 13, принадлежащая дедушке в его разговоре с внучкой.

Дополнительным источником материала для нашего сопоставительного изучения были наблюдения, которые мы постоянно вели за коммуникативным поведением окружающих нас людей в целях уточнения данных, полученных в ходе анализа записанных нами фрагментов подлинного общения. К сожалению, наблюдения не позволяют точно документировать возраст, образование и национальность говорящего, фиксировать вербальный материал в полном его объеме. Тем не менее они также являются источником ценных данных об объекте исследования и могут быть полезными в качестве уточняющего материала.

Всего в ходе наблюдений нами было зафиксировано 31 высказывание с использованием модальных диминутивов. Два из них были реализованы в говорении дедушек, три – мужчинами, иронически имитирующими вербальное поведение известных им и их собеседникам женщин.

15. *І тут яна: (повышает голос) А можанькі я яшчэ спраўлюся. Можанькі ператваруся. (Обычным голосом) Не слухай! Чуеш? Не слухай. Хопіць ужо. Усё! Наператваралася.*

Безусловно, возможно возражение в плане кодифицированности приведенных нами реплик. Поэтому уменьшительные формы модальных слов в русском, белорусском и тем более тряснке еще не стали предметом вдумчивого анализа. Кроме того, их частотность настолько минимальна, а локализация, скорее всего, как явствует из массива наших записей, ограничена непринужденным говорением в частной сфере, что если анализировать только письменные тексты, то их там может не оказаться вовсе.

Проблема правильности языковых форм давно уже самым серьезным образом обсуждается лингвистами. Наша позиция сформировалась под влиянием тех авторов, которые ратуют за изучение языка именно в той его форме, в какой он реально функционирует, ибо, по справедливому замечанию С. Пинкера, посвятившего целую главу данной проблеме в своей книге «Язык как инстинкт», убеждение, что люди не знают своего собственного языка, есть не что иное, как помеха для лингвистических исследований (см. Пинкер 2004, 352). В доказательство он приводит веские доводы в пользу дескриптивных правил, весьма эмоционально заявляя, что можно, конечно, предпочесть неукоснительное следование прескриптивным правилам, но они не имеют большего отношения к человеческому языку, «чем критерии для оценки кошек на выставке к биологии млекопитающих». И тот факт, что их нужно заучивать, показывает, что в них есть нечто, чуждое работе языковой системы (Там же).

Вместе с тем целесообразно все-таки учитывать уровень образования коммуникантов, что-

бы более точно представлять границы манифестации изучаемого явления. Записанный нами основной материал охватывает образцы говорения трех групп коммуникантов, имеющих: 1) высшее образование, 2) среднее и 3) незаконченное среднее. Полученные нами данные (14 реплик) ввиду их минимального количества не позволяют говорить о влиянии данного фактора на употребление уменьшительных форм модальных слов. Тем не менее уместным представляется заметить, что четкой зависимости мы не зарегистрировали. Три из зафиксированных случаев приходятся на говорение коммуникантов с незаконченным средним образованием, шесть – со средним и почти такое же количество – пять – с высшим.

В данном случае с диминутивными формами модальных глаголов, на наш взгляд, как раз и присутствует подсказка о работе языковой системы, отражающей дифференциации в вербальном поведении и восприятии мира коммуникантами в зависимости от их гендера. Эта подсказка указывает на дистинктивность уменьшительности, причем, как было показано в специальной статье об уменьшительности, наиболее значимыми оказываются именно самые редкие диминутивные формы (см. Путрова 2007). Зарегистрированные нами минимальные показатели встречаемости исследуемых форм поэтому не случайны и, скорее всего, являются дистинктивной чертой их функционирования. Реальной мерой, по нашим данным, будет 3–5–6 реализаций на 40 000 слов текста.

Наиболее общим значением диминутивности, как мы считаем, является сокращение дистанции между говорящим и проецируемым им с помощью языка миром, и чаще всего оно соотносится с ситуациями заботы, частной сферы. Дедушки как раз и являются той группой в маскулинном мире, которая наиболее часто прибегает к данной форме реализации смысла, что и зафиксировано в реплике 13. Но чаще всего, если высказывания такого рода не ироничны, модальные диминутивы – это часть женского говорения, причем не только в разговоре с детьми, хотя на долю общения с ними или разговоров о них приходится значительная часть модальных диминутивов. В нашем материале это реплики 4, 5, 9, 11, 13. Соотнесенность модальных диминутивов с темой детства представляется вполне естественной, ведь начальный этап эволюционного развития диминутивных форм, как показано в соответствующей статье словаря по грамматикализации, связан именно с концептом *ребенок*, т. е. лексическим источником грамматического показателя диминутивности выступает именно лексема *ребенок*: child > diminutive (см. Heine, Kuteva 2002, 41). В дальнейшем, однако, диминутивность перестала соотноситься только с миром детства и проникла в языковое отражение практически всех сторон действительности, но, как

видим, социально и культурно специфично. В британском и американском английском языках нет возможности построения модальных диминутивов, а в белорусском, его варианте трясанке и русском они функционируют преимущественно в говорении женщин и относительно достаточно хорошо распознаются информантами как таковые в изолированных из текста высказываниях даже по письменным образцам. В то же время наиболее распространенные формы диминутивов – существительные и прилагательные (если они не являются частью диминутивных кластеров и не отличаются необычностью формы) – такой различительной способностью не обладают.

Так, в нашем эксперименте по определению гендерной отнесенности реплик только по их письменным образцам (чтобы исключить роль голоса) были получены следующие результаты. Реплики 3, 10, 11 и 14 в 60 % случаев отнесены информантами (10 мужчинами и 10 женщинами, пять из которых в каждой подгруппе имели высшее филологическое образование) к женскому говорению, правда, в большинстве случаев с оговорками «скорее всего», «кажется», «я думаю», «как будто», «чувствую, что». В 20 % случаев информанты колебались между женским и детским / подростковым говорением. В оставшихся 20 % они отвечали, что не могут сделать выбор. Гендерная принадлежность других реплик оказалась установленной только 40 % коммуникантов. Еще 30 % из них восприняли экспериментальные реплики как фрагменты говорения детей, подростков или коммуникантов юношеского возраста. Оставшиеся 30 % информантов не знали, как квалифицировать реплики (20 %), или считали, что гендер в них не прослеживается (10 %). Примечательно, что маскулинное говорение (в реплике дедушки – 13) не было распознано никем из информантов даже с оговорками.

Названная реплика заслуживает специального рассмотрения: не в плане своей исключительности, а, напротив, характерности, если ее интерпретировать не с точки зрения только диминутивных форм модальных слов, а сквозь призму диминутивности как способа номинации в целом. Анализ всех случаев реализации этого способа в нашем материале на четырех языках позволил получить данные, показывающие, что уменьшительность соотносится не столько с гендером, сколько со сферой говорения, конечно, с учетом специфики каждой конкретной культуры. И скорее всего, диминутивность в той или иной степени стала маркером определенного гендера именно в соответствии с той мерой, с которой важнейшие стереотипические черты данного гендера диахронически сформировались преимущественно в частной или общественной сфере (см. Путрова 2007, 81).

Сфера общения и свойственные ей ситуации, а не только гендер, таким образом, являются

значимыми в плане выбора языковых средств реализации устных высказываний. Так, диминутивные наименования оказываются особенно востребованными в непринужденном общении в частной сфере и в ситуациях заботы. Активно участвуя в данных ситуациях, значительная часть мужчин зачастую обращаются к традиционным для этих ситуаций манерам означивания, ставшим дистинктивно женскими ввиду значимости названных ситуаций для опыта существования в мире. Так, врачи-мужчины (особенно в русской культуре) вполне могут оперировать в рабочих, производственных ситуациях такими обозначениями, как *сосудики*, *венушки*, *капиллярчики*, *давления*, а в американской и английской – более частым употреблением диминутивных имен собственных. Особенно большим количеством диминутивов отличаются ситуации заботы, в которых коммуниканты общаются с детьми. Так, те из них, кто выступает в роли дедушки в возрастной группе 45 лет и старше, весьма склонны в общении с ними обращаться к уменьшительному способу номинации, приближаясь к соответствующим показателям у женщин, хотя и не достигая их. В говорении некоторых из них встречаются даже типично женские редкие формы уменьшительных наименований, одной из которых как раз и являются модальные диминутивы. Для белорусской культуры сказанное особенно справедливо в отношении мужчин с высшим и средним образованием, причем независимо от языка, на котором они разговаривают – белорусском, русском или трасянке. Данная манера означивания характерна для дедушек, но не для маскулинного общения в целом. Задачей же информантов было отнести реплики к мужскому или женскому говорению вообще, что, видимо, оказалось препятствием для более дифференцированной их интерпретации.

Возвращаясь к нашим примерам, следует отметить, что ряд из них содержат и другие, помимо модальных диминутивов, подсказки гендера. Таковыми являются междометия *ой!* (реплики 10, 14), *ой* (реплика 3), междометные кластеры (14), производные междометия-вставки *мамочки мои* и *мама милая* (14), высокая плотность употребления диминутивных наименований (2 в реплике 14, 3 – в 3, 2 – в 13). Кроме того, четверо информантов ложно интерпретировали слова женского рода в репликах 10, 11 (*ты... знала, сама*) как подсказки к определению гендерной принадлежности всего высказывания.

Отмеченные подсказки и ошибки информантов тем не менее не устраняют гендерно дистинктивную роль уменьшительных модальных слов, даже если трактовать их как отклонение от нормы, ошибки, оговорки. Ведь последние, в свете известной теории З. Фрейда, вовсе не маргинальны в плане экспликации правил, по которым работает языковая система. При этом особую

значимость отклонениям и ошибкам придает как раз широко известное и многократно показанное исследователями стремление женщин к правильному, кодифицированному говорению. Их отступление от правил в случае модальных диминутивов на фоне общего стремления к нормативности как раз и указывает на существование других, более значимых для них предписаний в употреблении языка, которые заставляют их нарушать относительно неплохо соблюдаемые ими нормы говорения.

Правомерность сказанного хорошо подтверждается иными, типично женскими ошибками, установленными нами во время изучения чтения вслух. Оговорки в виде замены обычной формы слова на диминутивные ее варианты мужчины не допускают, хотя в целом совершают значительно больше ошибок и оговорок при чтении вслух, чем женщины. Последние же вполне могут изредка совершать оговорки обсуждаемого плана, особенно после предшествующих других диминутивных слов в словосочетании, высказывании, даже тексте. Типичными примерами могут быть: *невялічкі кавалачак* вместо *кавалак*, *хорошенькое дельце* вместо *дело*.

Не менее характерны также ошибки при переводе с английского. Например, технический термин *small knife* оказался переведенным неопытной переводчицей как 'ножик', что вызвало непонимание специалиста-мужчины в реальной ситуации производственной коммуникации, ибо в его опыте соответствующий объект обозначался только термином *малый нож*. Не случайно, имитируя женское говорение, коммуниканты-мужчины в числе прочих характерных для женского говорения черт могут реализовать модальные слова в их уменьшительной форме. Именно так поступили мужчины в трех зафиксированных нами в ходе наблюдений репликах, одна из которых представлена в примере 15.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что диминутивные формы модальных слов являются весьма редким, но достаточно сильным средством манифестации гендера. Они расширяют наше представление о сфере реализации диминутивности, показывая, что в женском употреблении языка она более обширна и значительно чаще включает слова со значением модальности.

Модальные диминутивы, таким образом, являются системообразующим смыслом в конструировании гендера. В таком своем качестве они участвуют в создании иконического аспекта гендерно дистинктивного текста устного общения, опираясь на который мы в состоянии определить гендер говорящего. Данный текст – ориентир для создания других текстов в процессе устного общения. Принимая во внимание, что в настоящее время маргинальные модальные слова во многих языках находятся в стадии грамматикализации (см. Ханзен 2006, 68), правомерно допустить, что

модальные диминутивы вместе с переходом в другой класс слов в качестве сопутствующего смысла грамматикализируют и значение гендерности.

ЛИТЕРАТУРА

Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Кирилина А.В. Гендер и язык. М., 2005. С. 7–32.

Пинкер С. Язык как инстинкт. М., 2005. 455 с.

Путрова М.Д. О роли диминутивных средств номинации в конструировании гендера // Вестн. МГЛУ. Сер. 1. 2007. № 2. С. 79–88.

Ханзен Б. На полпути от словаря к грамматике: модальные вспомогательные слова в славянских языках // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 68–84.

Biber D. Modals and Semi-modals // Biber D. Longman Grammar of Spoken and Written English. London, 1999. P. 483–502.

Heine B., Kuteva T. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge, 2002.

Schulz M.R. The semantic derogation of women // Schulz M.R. Language and sex: Difference and dominance, eds. B. Thorne, N. Henley. Rowley, Mass., 1975. P. 43–56.

Поступила в редакцию 15.09.08.

Мария Дмитриевна Путрова – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Полоцкого государственного университета.